

- ⁶¹ Петроградский листок. Иллюстрированное приложение. 1915. № 58. С. 6.
- ⁶² В борьбе за трезвость. 1915. №1. С. 41.
- ⁶³ Петроградский листок. 1914. 9 октября.
- ⁶⁴ Там же. 6 октября.
- ⁶⁵ Биржевые ведомости. 1915. 10 июня (вечерний выпуск).
- ⁶⁶ Там же. 25 июля.
- ⁶⁷ Петербургский листок. 1914. 7 августа, 14 августа, 18 августа и т.д.
- ⁶⁸ Биржевые ведомости. 1915. 5 ноября (вечерний выпуск).
- ⁶⁹ Там же. 16 апреля.
- ⁷⁰ Объединенное дворянство: Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916. Т. 3. 1913–1916. М., 2002. С. 453.
- ⁷¹ Биржевые ведомости. 1915. 12 июля (вечерний выпуск).
- ⁷² В борьбе за трезвость. 1915. № 1. С. 42–43.
- ⁷³ Особые журналы Совета министров... 1916. М., 2008. С. 482.
- ⁷⁴ Новое время. 1915. № 14163.
- ⁷⁵ ГА РФ, ф. 102, оп. 73, д. 9, ч. Ж, л. 14.
- ⁷⁶ Там же, л. 2.
- ⁷⁷ Там же, л. 3.
- ⁷⁸ Там же, л. 12.
- ⁷⁹ Там же, оп. 75, д. 10, ч. 6, л. 24.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Там же, л. 26–27.
- ⁸² Обзор деятельности Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу. 17 августа 1915 – 17 февраля 1916 г. Пг., 1916. С. 31.
- ⁸³ Биржевые ведомости. 1915. 19 сентября (вечерний выпуск).
- ⁸⁴ Обзор деятельности особого совещания... С. 388–389.
- ⁸⁵ *Беляев С.Г.* Указ. соч. С. 76.
- ⁸⁶ ГА РФ, ф. 102, оп. 73, 1915, д. 7, ч. 213, л. 3–3 об.
- ⁸⁷ Там же, оп. 302, д. 65, л. 1 об.
- ⁸⁸ Там же, оп. 73, д. 1, ч. 19, л. 15.
- ⁸⁹ Особые журналы Совета министров.... 1916. С. 414–415.
- ⁹⁰ ГА РФ, ф. 102, оп. 302, д. 41, л. 27–27 об.
- ⁹¹ Особые журналы Совета министров.... 1915. М., 2008. С. 189–190.
- ⁹² Более подробно историю «пьяного вопроса» в период революции 1917 г. см.: *Веселие Руси. Век XX. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона»*. М., 2007. С. 151–189.

© 2011 г. В. Я. ГРОСУЛ*

КРАСНЫЕ ГЕНЕРАЛЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Старая русская армия отнюдь не была ограждена от проникновения революционных идей, а некоторые ее представители непосредственно участвовали в революционном движении. Когда говорят об истории революционного движения в самой армии, то обычно начинают с декабристских организаций и восстания Семеновского полка в 1820 г., в свою очередь повлиявшего на возникновение ряда солдатских волнений¹. В действительности создание тайных антисамодеятельных офицерских кружков началось еще раньше, в XVIII в. Среди них наиболее известен смоленский тайный кружок под руководством отставного полковника А.М. Каховского. Собственно это был даже не кружок, а несколько кружков, организовавшихся в 1797 г. и состоявших из офицеров воинских частей и располагавшихся в Смоленской губ. Общее число членов этих кружков достигало почти 100 человек, среди них называют будущего генерала, известного

* **Гросул Владислав Якимович**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

русского полковника А.П. Ермолова. Эта организация, которая не без основания называется преддекабристской, ставила перед собой не только просветительские задачи, но и готовила активное выступление против Павла I. Не случайно ее члены были подвергнуты суровым наказаниям: некоторые осуждены на пожизненное заключение, другие сосланы в разные губернии, в том числе и в Сибирь².

Декабристские кружки и организации вовлекли в свой состав офицеров и генералов. Генералами-декабристами были М.Ф. Орлов, С.Г. Волконский, М.А. Фонвизин, С.П. Шипов, А.П. Юшневский, В.А. Обручев, М.А. Менгден, П.П. Лопухин, Ф.Г. Кальм, Ф.В. Акинфов³. Поражение декабристов привело не только к заметному сокращению абсолютной численности, но и к падению удельного веса военных в русском освободительном движении. В постдекабристское время основную роль в антисамодержавных кружках играли революционеры из гражданской среды⁴. Но, тем не менее, были среди них и офицеры: М.А. Бакунин – один из активных участников и руководителей европейских революций 1848 г., В.А. Обручев, А.А. Потемня, Н.В. Соколов, П.А. Кропоткин и др. 3 офицера, в той или иной степени причастные к революционному движению 1860-х гг., – В.А. и Н.Н. Обручевы и М.П. Чайковский – впоследствии стали генералами. Из 3 основных идеологов революционного народничества – М.А. Бакунина, П.Л. Лаврова и П.Н. Ткачева, – первые двое были офицерами (Лавров – полковником). Особенно больших успехов в работе среди военных добилась «Народная воля», создавшая свою Военную организацию, сеть которой распространилась, по одним данным, на 25 городов Европейской России, а по другим – на 41 город. Она насчитывала не менее 50 кружков и включала до 400 офицеров⁵. Примечательно, что после разгрома организации в 1883 г. уцелели ее группы в Западном крае, а также 2–3 кружка в Петербурге, в том числе в Морской академии⁶. Есть основание полагать, что некоторые участники этих нераскрытых кружков продолжили службу и к 1917 г. достигли уже немалых чинов. Один из руководителей этой военной организации подполковник М.Ю. Ашенбреннер был первоначально приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением в Шлиссельбургской крепости, откуда он был освобожден в 1904 г.⁷ Ашенбреннер дожил до Октябрьской революции, и в 1924 г. ему как ветерану революционного движения в армии приказом РВС СССР было присвоено звание «старейшего красноармейца». Следующий этап вовлечения представителей армии в революционное движение пришелся на начало XX в., в особенности на 1905–1907 гг., когда вспыхнули десятки военных и военно-морских восстаний в разных концах страны: от Петербурга до Владивостока.

Революционные события 1917 г. коснулись уже непосредственно высшего командного состава, пережившего тогда 3 серьезных раскола (накануне Первой мировой войны, в апреле 1914 г., на действительной службе в русской армии числились 1574 генерала⁸). Первый раскол произошел в период Февральской революции, когда нужно было выразить свое отношение к отречению императора Николая II. Командующий Северным фронтом Н.В. Рузский, Западным – А.Е. Эверт, Юго-Западным – А.А. Брусилов, Румынским – В.В. Сахаров, Кавказским – вел. кн. Николай Николаевич и начальник штаба верховного главнокомандующего М.В. Алексеев высказались за отречение. Против выступили командиры корпусов – генералы Ф.А. Келлер и Хан-Гуссейн-Нахичеванский. Второй раскол случился во время корниловского мятежа. Как пишет видный военный историк А.Г. Кавтарадзе, «корниловщина внесла раскол в среду офицерства, разделив его на сторонников военной диктатуры и ее противников, образовав непреодолимую пропасть между командным составом и солдатской массой, вызвав ненависть ко всем офицерам независимо от их служебного положения и социального происхождения»⁹.

Третий раскол произошел после Октябрьской революции. Обычно этот раскол представляется как размежевание между «белыми» и «красными». Ситуация, однако, была значительно более сложной. Деление на «белых» и «красных» следует, конечно, признать основным, но в тогдашней России действовали и «розовые» (эсеры и меньшевики), и «зеленые» (лесные атаманы), и «черные» (анархисты), а также «разноцвет-

ные» национальные формирования. Кроме Красной и нескольких белых армий свои вооруженные силы создавали Центральная рада Украины, Сфатул цэрий (Молдавская Демократическая Республика) в Бессарабии, а также Грузия, Армения, Азербайджан и другие республики. Все они имели своих офицеров, как правило, вышедших из старой русской армии.

Что касается военных специалистов Красной армии, которым и посвящена данная статья, то в литературе можно встретить самые различные оценки их роли в создании и становлении советских вооруженных сил. А.И. Деникин в «Очерках русской смуты» утверждал, что армия «красных» строилась «исключительно умом и опытом старых русских генералов» и что во главе органов центрального военного управления находились генералы-специалисты. Примерно в том же духе и даже более категорично пишут и некоторые современные авторы¹⁰. Но в литературе высказываются и противоположные суждения. Так, И.З. Хасанов, специально занимавшийся вопросом о военных специалистах, считает, что после Октябрьской революции «подавляющее большинство офицеров и генералов царской армии выступило против Советской власти»¹¹. Существует и третье историографическое направление, в рамках которого вопрос о военных специалистах замалчивается. В недавно вышедшей книге В. Шамбарова, довольно обширной и весьма тенденциозной, о военных специалистах Красной армии почти не говорится. Автор лишь как бы попутно сообщает, что «на командные и штабные должности в каждую большевистскую армию насаждался штат генштабовских военспецов»¹². Для трудов, изданных за рубежом, как было замечено в литературе, характерен акцент на принудительном привлечении военспецов в Красную армию, что, однако, не подтверждается отечественными исследованиями¹³.

Назрела необходимость взвешенной, лишенной какой-либо субъективной оценки роли военных специалистов и прежде всего старых генералов в истории Красной армии. Выяснение их роли не должно исказить заслуг других красных командиров, вышедших из низов – из «унтеров» и даже простых солдат. Гражданская война, действительно, выдвинула выдающихся народных самородков, таких как В.И. Чапаев, Г.И. Котовский, С.М. Буденный, В.К. Блюхер и др. Из низов выдвинулся и самый крупный большевистский полководец М.В. Фрунзе¹⁴. В 1918 г. военные специалисты составляли 75% командного состава Красной армии, в 1919 г. – 53, в 1920 г. – 42 и в конце 1921 г. – 34%¹⁵. Армия, как известно, сыграла большую роль в Октябрьской революции, под которой мы разумеем не только Петроградское вооруженное восстание, но и одновременный переход власти к Советам в ряде других городов России – Иваново-Вознесенске, Орехово-Зуеве, Минске, Тарту, Луганске, Брянске, Казани и др. Власть к Советам там тоже перешла 25 октября 1917 г. Этим событиям предшествовало закрытое гарнизонное совещание в Петрограде 18 октября, участники которого в большинстве своем выступили в поддержку вооруженного восстания. Среди них делегаты Егерского, Московского, Волынского, Павловского, Кексгольмского, Семеновского полков, а также других частей Петрограда и его окрестностей. Более того, когда после этого ВРК направил своих комиссаров во многие воинские части, там они были приняты. Комиссаром Семеновского полка стал Ю.М. Коцюбинский, Преображенского – Г.И. Чудновский, Финляндского – Я.М. Рудник, Волынского – Л.В. Горбатенко, Измайловского – Д.И. Медведев, Егерского – И.Е. Зайцев, Гренадерского – А.Ф. Ильин-Женевский¹⁶. Еще до событий 25 октября в полках принимались резолюции о поддержке Петроградского совета. Так, 24 октября по докладу комиссара гвардейского Егерского полка Зайцева в поддержку совета выступили не только солдаты, но и офицеры этого полка во главе с командиром¹⁷.

Таким образом, в революции приняли участие легендарные полки русской армии, часть из которых вела свою родословную еще со времен Петра I. Однако ни один генерал непосредственного участия в революции не принял. Власть к Советам перешла в это время без помощи старых генералов¹⁸. Без них был подавлен и мятеж Керенского–Краснова. Правда в этих событиях значительную роль сыграл полковник, командир 2-го Царскосельского стрелкового полка П.Б. Вальден, будущий советский генерал¹⁹.

Еще один полковник (первый полковник, ставший большевиком еще в мае 1917 г.) М.С. Свечников в том же году был избран начальником 106-й дивизии, ставшей оплотом власти «красных» в Финляндии, в непосредственной близости от Петрограда. Эти прецеденты тем более важны, что в соответствующих документах того времени прямо констатировалось: «Отсутствие офицеров у рабочей гвардии сказывается»²⁰. Роль же старых генералов в вооруженных формированиях Республики Советов стала заметной несколько позднее.

По имеющимся на сегодня данным, первым из старых генералов, наладившим связь с большевиками, был генерал-лейтенант Н.М. Потапов. В справочной литературе отмечается, что он еще с июля 1917 г. сотрудничал с известной «военкой» – Военной организацией Петербургского комитета РСДРП(б)²¹. Дочери Потапова рассказывали о его связях с руководителем «военки» Н.И. Подвойским, о чем, в свою очередь, мне поведала Н.И. Хитрова, дочь одного из военных специалистов, занимавшаяся деятельностью Н.М. Потапова, до 1915 г. главного военного советника черногорской армии²².

Еще в декабре 1936 г. Е.Н. Городецкий взял у Потапова интервью. Из него следует, что Потапов родился в Москве, а его отец – гражданский чиновник – происходил из вольноотпущенных крепостных крестьян. Подавляющее большинство царских генералов были дворянского происхождения, выходцы из бывших крепостных составляли редкое исключение. Уже одно это отличало Потапова от типичных генералов. Второй важный момент, который не может не привлечь внимания, заключался в его знакомстве еще в 1890-х гг. со студентами-революционерами. Одним из них был М.С. Кедров, в будущем видный большевик. Кедрова Потапов называл своим другом и рассказывал, что неоднократно встречался с ним и впоследствии, в том числе после Февральской революции. Сам Кедров вспоминал: «После июльских дней [1917 г.] генерал Потапов Н.М., помощник начальника Главного штаба и генерал-квартирмейстер, предложил через меня свои услуги Военной организации большевиков (и оказывал их)». Будучи членом «военки», именно Кедров познакомил Потапова с Подвойским²³.

Но дело не только в том, что на сторону советской власти перешел генерал-лейтенант, один из опытейших разведчиков русской армии, полиглот и военный исследователь. Чрезвычайно важен был его пример для многих других офицеров и генералов. Еще один руководитель «военки» К.А. Мехоношин в этой связи писал: «Я должен особенно подчеркнуть то большое политическое значение, которое имел для нас безоговорочный переход на сторону Советской власти Николая Михайловича Потапова тотчас же после Октябрьской революции. Н.М. Потапов – один из крупнейших специалистов старой армии – пользовался среди лучшей части ее специалистов большим авторитетом, и поэтому прямой переход его на сторону рабочего класса в первые же дни после захвата власти не мог не повлиять в нашу пользу на политическое настроение широких кругов военных работников и облегчил использование старых кадров и их знаний и опыта в строительстве Красной армии»²⁴.

Авторитет и заслуги Потапова повлияли на то, что на сторону Советов почти в полном составе перешел центральный аппарат русской военной разведки²⁵. Это было особенно важно в тех сложных условиях, когда государственные учреждения старой России объявили самую настоящую забастовку. Сам Потапов возглавлял Главное управление Генерального штаба, в которое входил Отдел 2-го генерал-квартирмейстера, являвшийся центральным органом разведки и контрразведки Вооруженных сил России. Естественно, что русские военные разведчики лучше других знали, кто такие большевики, в частности то, что никакими германскими агентами они не были. Впоследствии Потапов составил специальные записки о становлении новых вооруженных сил, являющиеся ценным источником по истории Красной армии²⁶.

Таким образом, именно Потапов был, по-видимому, первым генералом старой армии, перешедшим на сторону советской власти. Почти одновременно с ним с новой властью стал сотрудничать и генерал-майор С.И. Одинцов, позднее ставший командующим 7-й армией, оборонявшей Петроград, и одним из первых кавалеров ордена Красного Знамени. Одинцов сразу после Октябрьской революции выступил посред-

ником между Народным комиссариатом по военным делам и управляющим Военным министерством генералом А.А. Маниковским. В октябре 1917 г. перешел на сторону Советов генерал-лейтенант, барон А.А. Таубе, участник Первой мировой войны, в то время начальник штаба Омского военного округа. Впоследствии он стал начальником Главного штаба командования Красной армии в Сибири, принимал участие в борьбе с белочехами, войсками атамана Г.М. Семенова. В сентябре 1918 г. он был арестован белогвардейцами и приговорен к смертной казни, умер в Екатеринбурге в январе 1919 г. от тифа, находясь в камере смертников.

По-видимому, особых раздумий у этих генералов старой армии не было, новую власть они приняли как свою. Вообще перелом в настроениях отдельных генералов был замечен еще в дни Февральской революции. Эти настроения передал генерал А.А. Игнатьев в своей знаменитой книге «Пятьдесят лет в строю». Вот как он описывал свои чувства, возникшие после того, как узнал об отречении Николая II: «Он нарушил клятву, данную в моем присутствии под древними сводами Успенского собора при коронации... Русский царь “отречься” не может»²⁷. Но это был лишь первый шаг в изменении самосознания представителя древнего дворянского рода. Своим отречением царь освободил его от данной ему присяги. И, как писал далее этот генерал старой, а затем и советской армии, «Царский режим пал, но Россия жива и будет жить... Да пролет революция хоть немного света на мою темную родину. Я буду служить ей столь же самоотверженно, как служил и до сих пор. Я обязан всем, решительно всем, русскому народу. Пусть он отныне и будет моим единственным повелителем»²⁸.

Под революцией генерал Игнатьев понимал тогда Февраль, а не Октябрь, но спустя 7 лет он стал гражданином СССР, сохранив для нового государства денежные средства старой России, вложенные на его имя во французские банки. События Февральской революции повлияли на эволюцию взглядов и многих других генералов. Генерал-лейтенант М.Д. Бонч-Бруевич, которого и в современной литературе называют одним из основателей российской военной контрразведки²⁹, будучи после Февральской революции начальником гарнизона Пскова, стал членом Исполкома Псковского Совета рабочих и солдатских депутатов. В августе–сентябре 1917 г. он был главнокомандующим Северного фронта и способствовал срыву корниловского мятежа. Как Бонч-Бруевич откровенно писал в своих воспоминаниях, на службу к Советам он перешел не без колебаний. Отречение царя на него повлияло не меньше, чем на Игнатьева: «Разочарование в династии пришло не сразу. Трусливое отречение Николая II от престола было последней каплей, переполнившей чашу моего терпения»; «Пойти к белым я не мог; все во мне восставало против карьеризма и беспринципности таких моих однокашников, как генералы Краснов, Корнилов, Деникин и прочие»³⁰.

Современный автор С.И. Козловский, изучавший историю формирования частей Красной армии в Вятской губ., признает, что сложно делать какие-либо выводы об эффективности привлечения бывших офицеров на службу. Он ссылается на большое количество как положительных, так и отрицательных примеров. По его мнению, «в целом складывается картина настроения бывшего офицерства в губернии не в пользу советской власти»³¹. Вятская губ. не представляла в этом отношении исключения. И при всем том замечен постепенный поворот бывших офицеров и генералов к сотрудничеству с новой властью.

М.Д. Бонч-Бруевич с его обширными военными связями оказался чрезвычайно полезен для советской власти и ее армии. Большую роль в его переходе на сторону «красных» сыграл его родной брат, весьма близкий к В.И. Ленину, управляющий делами Сонаркома В.Д. Бонч-Бруевич. Как вспоминал сам М.Д. Бонч-Бруевич, после смещения Главковерха Н.Н. Духонина ему позвонил брат и от имени Совнаркома предложил пост верховного главнокомандующего. Брат при этом подчеркнул: «Правительство желает видеть тебя во главе русской армии»³². Однако М.Д. Бонч-Бруевич отказался от такого предложения, прекрасно понимая отношение к генералам в революционизировавшейся солдатской массе и, в свою очередь, предложил назначить не боевого генерала, а политического деятеля, пользующегося доверием большевистской

партии. Так, 9(22) ноября 1917 г. Главковерхом стал прапорщик Н.В. Крыленко, член большевистской партии с 1904 г. Ленин называл Крыленко одним «из самых горячих и близких к армии представителей большевиков»³³. По приказу Крыленко в контакт с М.Д. Бонч-Бруевичем вошел генерал С.И. Одинцов, с которым они служили еще в Киевском военном округе. До этого у Одинцова состоялась беседа с Духониным. Именно Духонин предложил Бонч-Бруевичу должность начальника штаба Ставки. Примечательно, что это предложение было поддержано Крыленко. Так началось сотрудничество 32-летнего Главковерха и 57-летнего старого генерала³⁴.

Генералам Бонч-Бруевичу и Одинцову принадлежит немалая заслуга в том, что Ставка перешла под контроль советской власти без какого-либо сопротивления, а убийство бывшего Главковерха Духонина произошло в результате самосуда толпы, окружившей вагон, где он находился вместе с Крыленко, убийства, в котором, видимо, главную роль сыграли уголовные элементы. Против толпы сил у охраны вагона было крайне недостаточно³⁵. В это же время на сторону новой власти перешел еще один крупный военный деятель – генерал-лейтенант Алексей Евгеньевич Гутор, участник русско-японской и Первой мировой войн. В мировую войну он последовательно командовал дивизией, корпусом, армией, затем был главнокомандующим Юго-Западного фронта. Его родной брат, полковник Анатолий Евгеньевич Гутор, тоже вскоре перешел на сторону советской власти.

20 ноября (3 декабря) 1917 г. М.Д. Бонч-Бруевич принял на себя обязанности начальника штаба верховного главнокомандующего, став, по существу, как он сам писал, «вторым после верховного главнокомандующего человеком в армии»³⁶. В то время это был самый высокий пост, который занимали бывшие царские генералы. На следующий день весь состав Ставки был представлен Крыленко и заверил его в своем желании продолжать службу. В числе первых генералов, перешедших на сторону Советской власти еще в 1917 г., оказался и генерал-лейтенант В.Н. Егорьев, командир 39-го армейского корпуса. В декабре 1917 г. он был избран командующим особой армией Юго-Западного фронта.

В соответствии с Программой РСДРП(б) всеобщее вооружение народа и рабоче-крестьянская милиция должны были противостоять ненавистной старой армии, а постоянная армия вовсе не предусматривалась³⁷. Но уже в конце 1917 г. руководство партии большевиков начало менять свои прежние установки по военному строительству, пытаясь взять под контроль расплывшиеся на глазах старые вооруженные силы. Практика строительства нового государства потребовала создания регулярной боеготовой армии. Поначалу, однако, сосуществовали различные военные структуры. 25 октября управляющий Военным министерством генерал А.А. Маниковский был арестован вместе с другими министрами Временного правительства, но был выпущен уже 30 октября. Сыграл свою роль и авторитет генерала в различных слоях русского общества, не только в армии, но и в военной промышленности, и в рабочей среде. Маниковский был генералом артиллерии, перед мировой войной служил комендантом Кронштадтской крепости, в 1915–1917 г. начальником Главного артиллерийского управления. Именно ему принадлежит обширная программа строительства новых казенных заводов, которая была изложена в докладе военному министру от 20 октября 1916 г. В литературе отмечается исключительно широкий масштаб этой программы и ее значение для последующего военного строительства в стране³⁸. В сентябре 1917 г. Маниковский стал товарищем военного министра и ведал прежде всего военно-техническими вопросами. После освобождения из заключения он возобновил свою деятельность главным образом в этой области. Уже 20 ноября (3 декабря) он был снова арестован вместе с начальником Генерального штаба В.В. Марушевским. В литературе этот арест объясняется тем, что они тормозили демократизацию армии, в частности препятствовали замене командного состава армии избранными лицами. Маниковский вскоре вновь был выпущен на свободу, вступил в Красную армию, стал начальником ее Главного артиллерийского управления и управления снабжения, погиб при крушении поезда в 1920 г. в возрасте 55 лет.

После его второго ареста в Военном министерстве была произведена чистка³⁹, а через 3 дня, 23 ноября назначенный вместо Марушевского начальником Генштаба Н.М. Потапов провел совещание начальников главных управлений еще действовавшего Военного министерства. В совещании приняли участие начальник Главного штаба генерал А.П. Архангельский, начальники главных управлений: артиллерийского – генерал В.А. Ляхович, интендатского – генерал Н.И. Богатко, военно-технического – генерал А.В. Шварц, военно-судного – генерал В.А. Апушкин, по заграничному снабжению – генерал А.А. Михельсон, по квартирному довольствию войск – генерал И.К. Гаусман, военно-учебных заведений – генерал Н.А. Хамин. Кроме того, на совещании были начальник канцелярии Военного министерства, генерал В.И. Сурин, начальник управления Военного воздушного флота, генерал Д.В. Яковлев⁴⁰.

Жизненный путь этих генералов сложился по-разному. Генерал Архангельский стал активным участником белого движения, одним из приближенных П.Н. Врангеля, с которым продолжил сотрудничество и в эмиграции в качестве его заместителя в Карловцах⁴¹. В эмиграции оказались генералы Богатко, Яковлев и др. Но с советской властью, кроме Потапова, стали сотрудничать генерал-лейтенант Хамин и генерал-инженер Шварц, последний вскоре возглавил Северный участок и Петроградский район обороны. Однако в то время, почти через месяц после Октябрьской революции, проведение такого совещания свидетельствовало о продолжении деятельности Военного министерства, способствовало его постепенной реорганизации и включению в работу складывавшихся советских учреждений. Без Потапова это совещание вряд ли бы удалось провести. По-прежнему значительная часть руководства центрального военного управления состояла из опытных специалистов, имевших боевой опыт⁴². Вскоре помощником Потапова на посту начальника Генерального штаба стал генерал-майор М.П. Каменский, начавший сотрудничать с Советской властью еще в 1917 г.⁴³

Потапов явно пользовался доверием среди высших советских руководителей. Когда уже несколько позднее, 22 декабря 1917 г., было созвано совещание военных работников, то в нем наряду с Лениным, Сталиным – от ЦК РСДРП(б), Совнаркома и ВЦИК, П.Е. Дыбенко, К.А. Механошиным, Н.И. Подвойским, Э.М. Склянским – от коллегии Наркомвоена, участвовал также Н.М. Потапов и ряд его сотрудников – от Генерального штаба. На этом совещании было принято решение о срочном создании до 10 корпусов новой армии общей численностью 300 тыс. человек и немедленном их направлении на фронт⁴⁴. В Петрограде Потапов стал одним из центров притяжения бывших генералов. Другой такой центр по-прежнему олицетворял М.Д. Бонч-Бруевич в качестве начальника штаба Главверха. Первый, как отмечалось, являлся руководителем русской разведки, а второй был одним из основателей русской контрразведки. Вступив в должность начальника штаба Главверха, Бонч-Бруевич, по его словам, застал в нем полную растерянность и дезорганизацию. Ряд ответственных чинов покинул Ставку еще до прибытия эшелонов Крыленко. Самосуд над Духониним не мог не повлиять на настроения оставшихся, поэтому новому начальнику штаба пришлось затратить немало усилий, чтобы объединить вокруг себя людей, способных сохранить работоспособность этого органа. Своим помощником он сделал генерал-майора С.Г. Лукирского. Должность генерал-квартирмейстера занял генерал-майор А.С. Гришинский. На своем посту остался начальник военных сообщений Н.И. Раттэль, который продолжит успешно делать военную карьеру и в Красной армии. В марте 1918 г. он стал начальником Управления военных сообщений, в июне начальником штаба Высшего военного совета, а параллельно с августа временно исполняющим должность его руководителя. В сентябре 1918 г. он уже начальник полевого штаба РВСР, а с октября начальник Всероссийского главного штаба. Раттэль сыграл большую роль в организации и становлении новой армии Республики Советов, в частности способствовал расширению всеобщего военного обучения и созданию новых военно-учебных заведений.

Первые генералы были подобраны Бонч-Бруевичем весьма удачно, хотя впоследствии он писал: «Я был с большевиками лишь постольку-поскольку, да и штаб верховного главнокомандующего я согласился возглавлять лишь потому, что его назначением

было руководить противостоящей австро-германцам русской армией»⁴⁵. Действительно, как только 18 февраля 1918 г. возобновилось наступление германо-австрийских войск, нужда в таком штабе, возглавляемом опытным генералом, возникла острейшая. Сам Бонч-Бруевич, а также бывшие Генерального штаба генералы С.Г. Лукирский, А.С. Гришинский, Н.И. Раггэль, Н.А. Сулейман, М.М. Заго были вызваны в Петроград. Ленин в присутствии Я.М. Свердлова, Л.Д. Троцкого, Подвойского поставил перед генералами задачу организации отпора интервентам⁴⁶. Любопытно, что брат М.Д. Бонч-Бруевича – В.Д. Бонч-Бруевич в эти дни выступал в качестве организатора связи между этой группой военных специалистов и Бюро Комитета революционной обороны Петрограда, в который он сам входил⁴⁷.

Возвращаясь немного назад, следует сказать и об участии некоторых старых генералов в заключении 2(15) декабря 1917 г. Брест-Литовского перемирия. Еще в первой половине ноября генерал С.И. Одинцов направил в Народный комиссариат иностранных дел письмо, где предлагалось привлечь к ведению переговоров о перемирии группу из генералов и офицеров. Ленин лично откликнулся на это предложение и 15 ноября предложил Одинцову собрать тех генералов и офицеров, которые согласны сотрудничать с советским правительством. Ленин считал необходимым включение в состав советской делегации по одному представителю от фронтов и Балтийского и Черноморского флотов. Таким образом, в состав группы военных экспертов вошли генерал-квартирмейстер при Верховном главнокомандующем Генштаба генерал В.Е. Скалон, состоявший при начальнике Генштаба генерал Ю.Н. Данилов, помощник начальника Морского Генерального штаба контр-адмирал В.М. Альтфатер, начальник Николаевской военной академии Генштаба генерал А.И. Андгоский, генерал-квартирмейстер штаба 10-й армии Генштаба генерал А.А. Самойло, а также ряд офицеров. Они должны были решать военно-технические вопросы, которые возникали в процессе переговоров в Брест-Литовске⁴⁸.

Февральское наступление австро-германских войск, прервавшее длившееся более 2 месяцев перемирие, дало новый импульс к развороту в сторону советской власти значительной группы бывших генералов. Настроения их передал генерал-лейтенант Д.П. Парский, командовавший 12-й, а затем 3-й армией. Он добровольно прибыл к М.Д. Бонч-Бруевичу, когда тот уже переехал в Петроград со своим небольшим штабом и занимался подбором новых сотрудников. «Вы знаете, я далек от социализма, который проповедуют большевики, – заявил Парский Бонч-Бруевичу. – Но я готов честно работать не только с ними, но с кем угодно, хоть с чертом и дьяволом, лишь бы части России от немецкого закабаления»⁴⁹. Парский был сразу же назначен начальником Нарвского оборонительного района⁵⁰. Еще до этого на сторону советской власти перешел генерал от инфантерии В.Н. Клембовский, занимавший в старой армии еще более крупные должности, чем Парский. В 1917 г. он был командующим Северного фронта. Переход на стороны Советов Клембовского и Парского вызвал значительный резонанс среди военных специалистов. По свидетельству М.Д. Бонч-Бруевича, «не только рядовое офицерство, но и лучшие генералы царской армии, едва немцы, вероломно прекратив брестские переговоры, повели наступление на Петроград, были привлечены к строительству вооруженных сил молодой Советской республики и за немногим исключением самоотверженно служили народу»⁵¹. В литературе делается вполне обоснованное заключение о том, что в Красную армию добровольно вступали лучшие представители военной интеллигенции⁵².

Еще до приезда в Петроград Бонч-Бруевича и его штаба 19 февраля состоялось заседание Совнаркома. На нем, по предложению Ленина, было решено создать из представителей военного и морского ведомств Особое совещание по борьбе с вторгшимися на территорию Советской России войсками интервентов⁵³. Военным специалистам предписывалось прежде всего оценить сложившуюся обстановку и выработать план последующих действий на всем фронте наступления противника. С этой целью в здании Военного министерства 20 февраля состоялось совещание, в котором наряду с Подвойским, Склянским и Крыленко участвовали Потапов, а также его помощник,

Генерального штаба генерал М.П. Каменский, 1-й обер-квартирмейстер, Генерального штаба генерал Э.А. Верцинский и состоявший в распоряжении начальника Генерального штаба Генерального штаба генерал Г.Г. Гиссер. Кроме того, в совещании участвовали генералы А.И. Андогский, В.Е. Борисов и В.Ф. Новицкий, а от морского ведомства наряду с П.Е. Дыбенко и Ф.Ф. Раскольниковым контр-адмирал В.М. Альтфатер⁵⁴.

Новое совещание в здании Военного министерства проходило уже на следующий день, 21 февраля. В нем участвовали Троцкий, Подвойский, Крыленко, Сталин, Г.Е. Зиновьев и наряду с ними ряд военных специалистов – генералы А.А. Балтийский, В.Е. Борисов, В.Ф. Новицкий, В.А. Черемисов, Э.А. Верцинский, П.И. Измьестьев, а также Генерального штаба полковник И.Г. Пехливанов⁵⁵. Все они были людьми опытными и пользовались влиянием в русской армии. Например, генерал-лейтенант Новицкий участвовал в русско-японской войне, а в Первой мировой войне командовал последовательно корпусом, армией, а затем и Северным фронтом⁵⁶. Генерал-майор Балтийский в годы Гражданской войны был командующим 4-й армией, а затем начальником штаба Туркестанского фронта. Генерал Верцинский впоследствии перешел на сторону белых и эмигрировал.

21 февраля Верховный главнокомандующий Крыленко отдал приказ об объявлении революционной мобилизации трудящихся на защиту Республики Советов. Уже 22 февраля М.Д. Бонч-Бруевич обратился к командованию Северного и Западного фронтов и Советам депутатов городов прифронтной полосы с призывом организовать оборону и остановить наступление германских войск⁵⁷. Интересно, что командование важнейшими боевыми частками было доверено именно военным специалистам. Командующим советскими войсками на псковском направлении назначили Пехливанова, а командующими Финляндского, Нарвского и Перховского районов генералов Д.Н. Надежного, Д.П. Парского и Ф.А. Подгурского. Инженерную оборону Петрограда возглавил генерал К.И. Величко, который считается одним из основателей русской фортификационной школы. Параллельно проводилась большая работа по подготовке красных командиров. 28 января (10 февраля) 1918 г. был подписан приказ Наркомвоена «Об ускоренных курсах по подготовке комсостава Рабоче-Крестьянской Красной армии», в силу которого были открыты первые 13 советских военно-учебных заведений – курсов по подготовке командного состава РККА. На этих курсах согласились работать и некоторые старые генералы. Заведующим 2-ми советскими артиллерийскими курсами был назначен бывший начальник Константиновского артиллерийского училища генерал С.Н. Бутыркин. Организацией военного обучения активно занимался Генерального штаба генерал М.А. Стугин⁵⁸.

27 февраля 1918 г. Генерального штаба генерал В.Е. Борисов составил примечательную записку под названием «Общая военная программа на период от заключения мира России с Германией до заключения всеобщего мира». В этой записке он предсказывал поражение Германии от бывших союзников России и даже называл его срок – к октябрю 1918 г. Поэтому, по его мнению, у России было «шесть–семь месяцев для серьезного устройства армии», причем «прочная и победоносная армия может быть устроена только по серьезной программе, составленной сообразно природе такого организма, как организм армии»⁵⁹. Можно предположить, что настаивая на немедленном заключении мира с Германией, Ленин учитывал не только внутреннее положение страны и международную обстановку, но и прогноз генерала Борисова.

Военное строительство продолжалось. 3 марта 1918 г. Совнарком принял решение о создании Высшего Военного Совета, которому было поручено руководство строительством регулярной Красной армии. Руководителем этого нового органа Советской республики был назначен М.Д. Бонч-Бруевич, а его помощником генерал-майор С.Г. Лукирский. Руководство строительством регулярной советской армии было доверено двум бывшим генералам и тот факт, что политическими комиссарами к ним были назначены большевик, член партии с 1902 г. К.И. Шутко и левый эсер П.П. Прошьян существа дела не меняет. В середине марта Шутко по его просьбе был освобожден от занимаемой должности и вместо него назначен Троцкий, который также стал комис-

саром по военным делам. Одновременно была упразднена и должность Верховного главнокомандующего, которым до этого времени оставался Крыленко⁶⁰.

Кроме того, известно о создании 9 марта 1918 г., по настоянию Ленина, специальной комиссии из военных специалистов в составе двух генералов А.Н. Андогского и Ю.Н. Данилова и адмирала В.М. Альтфатера. Этой комиссии было поручено подготовить план организации «военного центра для реорганизации армии и создания мощной вооруженной силы на началах всеобщей социалистической милиции и всеобщего вооружения рабочих и крестьян». Комиссия составила свой проект военного строительства, в соответствии с которым предусматривалась всеобщая мобилизация и разделение сил на красную милицию и регулярную армию из кадровых офицеров⁶¹.

Троцкий впоследствии писал, что он тогда не был подготовлен к военной работе, и даже никогда не служил в армии⁶². Тем более возрастала при этом роль военных специалистов. М.Д. Бонч-Бруевич возглавлял Высший Военный Совет, т.е. высший оперативный орган военного управления Вооруженными силами Советской Республики с начала марта до конца августа 1918 г. Затем его сменил в качестве временно исполняющего делами генерал-майор Раттэль. Среди членов этого Совета, наряду с Подвойским, Склянским, Механошиным, Антоновым-Овсеенко и капитаном первого ранга Е.А. Беренсом были также адмирал Альтфатер и генерал Потапов⁶³. К числу первых мероприятий Высшего Военного Совета после заключения Брестского мира относится создание так называемой завесы или Западной завесы. В современной литературе не без основания пишется об этой завесе как важнейшем фронте Советской республики в период с весны-лета 1918 г. Ее создание совпало с формированием Красной армии на добровольческих началах⁶⁴. К создателям завесы относят М.Д. Бонч-Бруевича, а к ее руководителям генералов В.Н. Егорьева, Д.П. Парского, А.А. Самойло, К.К. Банова, П.П. Сытина, А.А. Свечина, В.В. Чернавина, А.В. Шварца, Б.В. Геруа, А.В. Новикова, Н.Г. Семенова⁶⁵.

В начале сентября 1918 г. Высший Военный Совет был упразднен, а его штаб переформирован в Штаб Революционного военного совета Республики, новый орган созданный 6 сентября, осуществлявший непосредственное руководство армией и флотом, а также всеми учреждениями военного и морского ведомств. В состав руководства Реввоенсовета вошли 2 бывших полковника – И.И. Вацетис и С.С. Каменев, адмирал Альтфатер и ни одного бывшего генерала. Но зато Полевой штаб возглавляли генералы Раттэль, Ф.В. Костяев, Бонч-Бруевич и П.П. Лебедев. В современной литературе со ссылкой на А.А. Брусилва даже пишется, что Лебедев, вступивший в Красную армию в 1918 г., «являлся, по сути дела, подлинным организатором и руководителем армии»⁶⁶. Помощником начальника Полевого штаба был генерал Г.Н. Хвоцинский, начальниками управлений Генерального штаба генералы В.И. Михайлов, М.М. Заго, начальниками отделов – генералы В.А. Афанасьев, С.М. Волков, Н.Г. Мыслицкий, С.Н. Савченко, К.М. Ушаков, среди помощников начальников отделов был и генерал В.К. Петерсон, а среди начальников отделений генералы А.А. Незнамов, С.К. Сегеркранц. Инспектором снабжения при начальнике Полевого штаба являлся генерал Н.А. Сулейман. И это не считая работавших там же офицеров⁶⁷.

В 1918 г. в состав Красной армии вступило значительное число бывших генералов. В мае это сделал известный путешественник и ученый-востоковед, генерал-лейтенант А.Е. Снесарев, который в 1917 г. был избран командиром 9-го армейского корпуса. Он стал военным руководителем Северо-Кавказского военного округа, принимал участие в обороне Царицына, затем командовал Западной армией, а с лета 1919 г. возглавил Академию Генштаба. В 1928 г. ему было присвоено звание Героя Труда⁶⁸. Еще раньше, в марте 1918 г., вступил в Красную армию генерал-майор Ф.Ф. Новицкий, участвовавший в русско-японской и Первой мировой войнах. Он был командиром корпуса, а в Красной армии занимал ряд командных должностей. Во время Великой Отечественной войны Новицкий был преподавателем Военной академии им. М.В. Фрунзе. Его старший брат В.Ф. Новицкий дослужился до звания генерал-лейтенанта. В Красную армию он тоже вступил добровольно, в октябре 1918 г. Преподавал в Военной академии, а в 1922 г.

являлся военным экспертом советской делегации на Гаагской конференции. В.Ф. Новицкий автор крупных работ по военной истории, из которых особенно выделяется его 2-томник по истории Первой мировой войны⁶⁹. Генерал от инфантерии Н.А. Данилов, командовавший армией на Северо-Западном фронте, тоже вступил в Красную армию в 1918 г. Он стал профессором Военной академии РККА, а в начале 1930-х гг. занимал должность инспектора штаба РККА. В феврале 1918 г. вступил в Красную армию и генерал-майор А.А. Самойло, начальник штаба 10-й армии. В Гражданскую войну он командовал армией, затем Восточным фронтом, скончался в 1963 г. в возрасте 94 лет, прожив более других старых генералов, служивших в Красной армии. В своих воспоминаниях Самойло писал: «Переход мой на службу Советской власти вполне отвечал и моим политическим убеждениям»⁷⁰. В марте 1918 г. в Красную армию добровольно вступил генерал-майор, начальник штаба одного из фронтов Первой мировой войны А.А. Свечин, ставший видным советским военным теоретиком и военным историком. Он был поначалу помощником начальника Петроградского укрепленного района, затем служил на различных штабных должностях. С октября 1918 г. Свечин преподавал в Академии Генштаба, а затем являлся председателем Военно-исторической комиссии по использованию опыта Первой мировой войны. В марте 1918 г. вступил в Красную армию и генерал-майор Ф.В. Костяев, который был назначен начальником штаба Псковского района, а осенью 1918 г. стал начальником штаба Северного фронта. Позднее он был на преподавательской работе и подготовил ряд работ по военной истории и теории. В 1918 г. перешли на сторону советской власти генералы П.П. Лебедев, Д.Н. Надежный, А.В. Станкевич, В.И. Селивачев, Р.Н. Яхонтов, С.А. Сухомлин и многие другие⁷¹. Переходили старые генералы в Красную армию и в 1919 г. Одним из них был генерал от инфантерии А.М. Зайончковский, участник русско-японской и Первой мировой войн. Во время последней он последовательно командовал дивизией, корпусом и армией. У «красных» он служил начальником штаба 13-й армии, а с 1922 г. являлся профессором Военной академии РККА. Зайончковский – известный специалист по военной истории, автор работ по истории Крымской и Первой мировой войн. В 1919 г. в Красную армию вступил и бывший военный министр Временного правительства, генерал-майор А.И. Верховский. После Февральской революции в качестве командующего войсками Московского военного округа был противником корниловского мятежа. Перейдя на сторону советской власти, служил на штабных должностях, а также занимался научной и преподавательской работой. В 1922 г. был одним из военных экспертов советской делегации на Генуэзской конференции. Весной 1919 г. в Красной армии всего насчитывалось немногим более 200 бывших генералов и около 400 бывших полковников и подполковников⁷².

Известны переходы бывших генералов на сторону советской власти и в более позднее время. В 1920 г. вступил в Красную армию один из самых выдающихся полководцев России того времени А.А. Брусилов. В Красной армии он занимал пост председателя Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами Республики, затем инспектора кавалерии Красной армии. С 1924 г. Брусилов состоял при РВС СССР для особо важных поручений⁷³. В связи с нападением весной 1920 г. на Советскую Россию Польши последовал новый этап вступления в Красную армию бывших генералов и офицеров. Такие генералы как Брусилов, Зайончковский, Клембовский, Гутор и другие обратились с воззванием «Ко всем бывшим офицерам, где бы вы ни находились», в котором призывали «добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную армию»⁷⁴. На это обращение и последовавшую за ним новую волну вступления генералов в Красную армию, как известно, отреагировал Ленин, подчеркнувший, что «даже бывшие царские генералы признают несправедливыми притязания Польши и идут помогать нам»⁷⁵.

Необычно сложилась судьба генерал-лейтенанта Я.А. Слащева. Первую мировую войну он закончил в чине полковника, затем был активным участником белого движения, командовал бригадой, дивизией, корпусом. Однако в августе 1920 г. вступил в конфликт с Врангелем и был отстранен от командования корпусом. Уже в эмиграции

он публично выступил против Врангеля, был судим и разжалован в рядовые. В конце 1921 г. вернулся в Советскую Россию, получил амнистию, преподавал на известных курсах командирского состава «Выстрел». Благодаря обращению Слащева к бывшим солдатам и офицерам Белой армии многие из них вернулись на родину. Из эмиграции вернулся и П.П. Иванов-Ринов⁷⁶.

Только из еще не названных Генерального штаба генералов, перешедших на сторону советской власти, следует упомянуть Д.В. Баланина, П.С. Балуева, Л.Н. Бельковича, Н.П. Михневича, В.А. Олохова, А.А. Поливанова, Д.С. Шуваева. Кроме того были значительные группы генералов от кавалерии, генерал-лейтенантов, генерал-майоров, список которых приводится в монографии А.Г. Кавтарадзе – лучшим исследовании по данной проблеме, написанном сыном одного из военных специалистов⁷⁷.

Особый разговор об инженерных кадрах старой армии и Военно-морского флота, а также об артиллеристах. В литературе отмечается, что в артиллерии удельный вес генералов-дворян был выше, чем в других родах войск, достигая 98%. К Октябрьской революции основная масса офицеров-артиллеристов отнеслась с недоверием⁷⁸. Но еще в октябре 1917 г. Всероссийская конференция представителей заводов единогласно избрала временным директором-распорядителем бюро съезда начальника 2-го отдела технических артиллерийских заведений, генерал-майора В.С. Михайлова. В 1918 г. он был избран начальником Главного артиллерийского управления, – а в 1919 г. стал директором-распорядителем Центрального правления артиллерийских заводов⁷⁹. Михайлов – автор весьма примечательной монографической работы «Очерки по истории военной промышленности».

23 февраля 1918 г. в ряды Красной армии в полном составе вступила Михайловская артиллерийская академия. Во главе Инспекции артиллерии был поставлен генерал Ю.М. Шейдеман, находившийся на этой должности до 1921 г. Перейдя на сторону советской власти почти в дореволюционном составе, продолжало свою работу и Главное артиллерийское управление. В мае 1919 г. в нем работало всего 184 офицера, в том числе 29 генералов⁸⁰. С советской властью сотрудничали и некоторые другие генералы, служившие по инженерной части: Н.Г. Высочанский, В.Н. Деханов, Н.В. Шульга⁸¹. Военными инженерами были бывшие генералы В.П. Апышков, М.А. Богдановский, К.И. Величко, Н.Л. Кирпичев, В.А. Пыхачев, А.А. Саткевич, И.П. Ставицкий, С.А. Цабель, А.В. Шварц, А.П. Шошин, В.В. Яковлев⁸². По данным современных исследователей, потенциал военспецов-артиллеристов был использован даже более полно, чем в Белой армии⁸³.

С советской властью сотрудничал и ряд видных военно-морских деятелей. Кроме уже упоминавшегося контр-адмирала Альтфатера, участника Первой мировой войны, помощника начальника Морского генштаба, первого командующего Морскими силами Советской республики, следует упомянуть и ряд других адмиралов. Контр-адмирал А.В. Немитц, демократические взгляды которого проявились еще во время революции 1905–1907 гг., когда он отказался участвовать в расстреле революционных матросов, в конце 1917 г. был командующим Черноморского флота и перешел на сторону советской власти вскоре после Октябрьской революции. Интересно, что во время Гражданской войны он одно время принимал участие в сухопутных военных действиях, являясь начальником штаба Южной группы войск 12-й армии под командованием И.Э. Якира. Эта группа проделала известный в истории Гражданской войны Южный поход, план которого был разработан прежде всего Немитцем. Затем он вернулся во флот и с 5 февраля 1920 г. по 22 ноября 1921 г. являлся командующим Морскими силами Советской республики. Впоследствии преподавал в военных академиях⁸⁴.

Интересно сложилась судьба М.В. Иванова, участника Первой мировой войны, капитана 1-го ранга, с лета 1917 г. ставшего командиром 2-й бригады крейсеров Балтийского флота. 27 октября (9 ноября) 1917 г. он стал членом Верховной морской коллегии, а вскоре и управляющим Морским министерством. 21 ноября (4 декабря) того же года 1-й Всероссийский съезд военного флота постановил присвоить Иванову «за преданность народу и революции» звание контр-адмирала. Это было первое такое присвоение

после Октябрьской революции. Он провел большую работу по налаживанию работы Морского министерства уже в условиях советской власти. В дальнейшем работал в штабе Южного фронта, инспектором войск ВЧК, занимался охраной морских границ. В 1936 г. Иванову было присвоено звание Героя Труда. В 1917 г. перешел на сторону советской власти капитан первого ранга Е.А. Беренс, ставший в ноябре того же года начальником Морского Генштаба. С 24 апреля 1919 г. по 5 февраля 1920 г. он командовал морскими силами республики⁸⁵, в начале 1920-х гг. состоял для особо важных поручений при Революционном Военном Совете Республики, а в 1924 г. был военноморским атташе СССР в Англии и Франции.

Роль старых генералов в Гражданской войне была, несомненно, весьма значительна. Некоторые из них – А.А. Самойло, П.П. Лебедев, В.А. Ольдерогге, Д.И. Надежный, П.П. Сытин, В.Н. Егорьев, Д.П. Парский командовали фронтами и отдельными армиями. Армиями командовали также генералы А.А. Балтийский, М.Н. Васильев, Н.А. Жданов, Е.А. Искрицкий, А.В. Новиков, С.И. Одинцов, А.К. Ремезов, А.Е. Снесарев, Н.В. Хенриксон, В.В. Чернавин. Бывшие генералы еще чаще служили начальниками штабов фронтов и армий, а также находились и на других командных должностях. По-разному сложились их судьбы. От рук «белых» кроме генерала А.А. Таубе пали А.В. Станкевич, А.П. Николаев, А.В. Соболев. Станкевич, командовавший 55-й стрелковой дивизией Красной армии, в 1919 г. из-за предательства начальника своего штаба – бывшего генерала А.А. Лаурица – был захвачен в плен «белыми». На предложение перейти на их сторону ответил категорическим отказом и был казнен. В том же году его прах, по постановлению Реввоенсовета, перезахоронили на Красной площади. В 1920 г. он посмертно был награжден орденом Красного Знамени.

Похожая судьба ожидала и генерала А.В. Соболева, командовавшего 7-й стрелковой дивизией и награжденного орденом Красного Знамени в 1919 г. В феврале 1920 г. он тоже был захвачен в плен «белыми» и, отказавшись перейти к ним на службу, расстрелян. Генерал-майор А.П. Николаев, командовавший у «красных» бригадой, попал в плен к «белым» в мае 1919 г., и за отказ перейти к ним на службу был убит. В 1920 г. он посмертно награжден орденом Красного Знамени. Генерал-лейтенант А.П. Востросаблин, перешедший на сторону советской власти в 1918 г., скончался после тяжелого ранения в 1921 г. Некоторые бывшие генералы погибли в боях Гражданской войны, или, как Д.П. Парский, скончались от болезней. Известны и примеры ухода к «белым». Кроме упомянутых выше случаев, можно вспомнить первого начальника Всероссийского Главного Штаба, бывшего генерал-лейтенанта Н.Н. Стогова, перешедшего на сторону «белых» и затем игравшего заметную роль в эмиграции⁸⁶. К «белым» перебежал и один из руководителей советской военной разведки, бывший генерал П.Ф. Рябиков⁸⁷. Были и такие, кто подвергся репрессиям конца 1920 – начала 1930-х гг., например В.С. Михайлов, Н.Г. Высочанский, В.Н. Деханов, Н.В. Шульга⁸⁸. Еще больше военных специалистов подверглись репрессиям 1930-х гг. – А.Е. Снесарев, А.А. Свечин, А.И. Верховский и некоторые др.

В целом, говоря о военных специалистах Красной армии, нужно учитывать как общее их число, так и удельный вес по отношению к бывшему офицерскому корпусу старой армии. В литературе было принято считать, что в Красной армии служили примерно 75 тыс. военных специалистов. Из них – 775 бывших генералов, 980 полковников, 746 подполковников⁸⁹. Если учесть, что в октябре 1917 г. весь офицерский корпус старой армии составлял примерно 250 тыс. человек, то в Красную армию вступило около 30%. Это очень большой процент, учитывая социальный характер Октябрьской революции и то, что потомственные дворяне среди генералов составляли 87,5%, штаб-офицеров – 71, а обер-офицеров – 50,4%⁹⁰. В последнее время в литературе стали фигурировать и несколько иные данные о числе военных специалистов в Красной армии. С. Волков оперирует общей цифрой в 276 тыс. офицеров, включая и тех, кто к моменту Октябрьской революции не вернулся в строй. К «белым», по его мнению, ушли 62% офицеров старой армии, а у большевиков их было только 19–20%, но без учета взятых в плен белых офицеров; 5–6% служили в армиях новообразованных государств и толь-

ко 10% бывших царских офицеров не участвовало по разным причинам в Гражданской войне. Волков также произвел подсчеты потерь среди офицерского корпуса. По его данным, в рядах «белых» погибли свыше 60% офицеров, у «красных» свыше 10%, в национальных армиях 4–5 и 22–23% пали жертвами антиофицерского террора⁹¹. Какие цифры ближе к истине – Кавтарадзе или Волкова, сказать трудно. Необходимы новые, беспристрастные и основательные подсчеты.

Причины вступления в Красную армию старых офицеров и генералов уже неоднократно привлекали внимание исследователей. Порой делались разного рода обобщения. В одной из книг, специально посвященной советским управленцам, отмечается «трагизм людей, вынужденных защищать чуждую им власть, к тому же под контролем и присмотром не доверявших им политических комиссаров. Большинство из них с колебаниями и переживаниями вступали на службу Красной армии, понуждаемые материальными лишениями или под угрозой репрессий. Известная часть военных специалистов переходила на сторону “красных”, восприняв большевистские идеи, поверив, что Советская власть сражается за “счастье народа”»⁹².

Как понять, что 775 бывших генералов, будучи почти на 90% дворянского происхождения, вступили в Красную армию? Конечно, была и материальная нужда, и потребность в привычной службе, были и подозрения со стороны комиссаров. Но нужно видеть главное. Чем дальше, тем больше бывшие генералы убеждались в том, что большевики ратуют за воссоздание великой страны и что их, при всех сложностях и порой, недовольстве все-таки поддерживает людская масса. Не случайно даже А.И. Деникин писал, что он все более убеждался в том, что против «белых» был сам русский народ. Поддержка народа, нацеленность на воссоздание великой страны, прогрессивные преобразования в разных сферах и убедила этих старых генералов в правильности их выбора.

Заслуги десятков тысяч старых офицеров признавал Ленин. «Только при помощи их, – как он подчеркивал, – Красная армия могла одержать те победы, которые она одержала». Более того, он писал, что «без них Красной армии не было бы»⁹³. Это была высокая оценка роли бывших военных специалистов, составивших значительную часть командного состава Красной армии. Среди них, как можно было убедиться, особую роль сыграли старые генералы, внесшие существенный вклад в создание и становление новой армии, на долю которой затем выпала ответственная миссия разгрома мирового фашизма.

Примечания

¹ См.: Федоров В.А. Солдатское движение в годы декабристов (1816–1825 гг.). М., 1963.

² Семенова А.В. Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982. С. 103–105; Светлов Л. А.Н. Радищев и политические процессы конца XVIII века // Из истории русской философии XVIII–XIX веков. Сборник статей. М., 1952. С. 66–71.

³ См.: Декабристы. Биографический справочник. М., 1988.

⁴ См.: Дьяков В.А. Освободительное движение в России 1825–1861 гг. М., 1979.

⁵ Волк С.С. Народная воля 1879–1882. М.; Л., 1966. С. 329; Троицкий Н.А. Крестоносцы социализма. Саратов, 2002. С. 298; См. также: Ашенбреннер М.Ю. Военная организация «Народной воли» и другие воспоминания (1860–1904). М., 1924.

⁶ Волк С.С. Указ. соч. С. 334.

⁷ Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 298, 339.

⁸ Зайончковский П.А. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны // Зайончковский П.А. 1904–1983 гг. Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 33.

⁹ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 31.

¹⁰ См.: Мартиросян А.Б. Сталин и репрессии 1920–1930-х гг. М., 2008.

¹¹ Хасанов И.З. Борьба партии за привлечение военных специалистов (1918–1920 гг.) // Вестник ЛГУ. 1971. № 2. История. Язык. Литература. Вып. 1. С. 34–35.

¹² Шамбаров В. Белогвардейщина. М., 2007. С. 232.

- ¹³ *Савченко О.И.* Исторический выбор и судьбы офицеров-артиллеристов русской императорской армии. 1917–1941 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005. С. 6.
- ¹⁴ См.: *Новицкий Ф.Ф.* Он ценил деловитость // О Михаиле Фрунзе. Воспоминания, очерки, статьи современников. М., 1985.
- ¹⁵ Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М., 1987. С. 91.
- ¹⁶ *Соболев Г.Л.* Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л., 1985. С. 239, 245.
- ¹⁷ Донесения комиссаров Петроградского военно-революционного комитета. М., 1957. С. 309.
- ¹⁸ Иной точки зрения придерживается петербургский писатель О. Стрижак, автор вышедшей в 2007 г. книги «И приснился мне сон...». С полемикой по поводу этой книги можно познакомиться в интернете.
- ¹⁹ *Поликарпов В.* Подвиг полковника Вальдена // Неделя. 1971. № 44 (608). С. 7; *Раскольников Ф.Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году. М., 1990. С. 240, 249.
- ²⁰ Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы. В 3 т. Т. 1. М., 1966. С. 352.
- ²¹ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983. С. 469; *Колпакиди А., Прохоров Д.* Империя ГРУ. Очерки истории российской военной разведки. Кн. 1. М., 2001. С. 51.
- ²² *Потапов Н.М.* Русский военный агент в Черногории. Т. I. Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг. М.; Подгорица, 2003. С. 18–21.
- ²³ *Городецкий Е.* О записках Н.М. Потапова // Военно-исторический журнал. 1968. № 1. С. 59, 62; От Февраля к Октябрю (Из анкет участников Великой Октябрьской социалистической революции). М., 1957. С. 174.
- ²⁴ Там же. С. 60.
- ²⁵ *Колпакиди А., Прохоров Д.* Указ. соч. С. 51–52.
- ²⁶ *Потапов Н.* Краткая справка о деятельности Народного комиссариата по военным делам в первые месяцы после Октябрьской революции // Исторический архив. 1962. № 1. С. 84–91; *он же.* Записки о первых шагах советского военного строительства // Военно-исторический журнал. 1968. № 1. С. 61–68.
- ²⁷ *Игнатъев А.А.* Пятьдесят лет в строю. Т. 2. М., 1955. С. 284.
- ²⁸ Там же. С. 284.
- ²⁹ *Иванов А.* Рожденная контрреволюцией. Борьба с агентами врага. М., 2009. С. 58.
- ³⁰ *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам. Воспоминания. М., 1957. С. 7.
- ³¹ *Козловский С.И.* Формирование частей РККА на территории Вятской губернии в 1918–1920 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2002. С. 15.
- ³² *Бонч-Бруевич М.Д.* Указ. соч. С. 201.
- ³³ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 35. С. 377.
- ³⁴ *Бонч-Бруевич М.Д.* Указ. соч. С. 218.
- ³⁵ Несколько иную интерпретацию этих событий см.: *Крыленко Н.В.* Смерть старой армии // История и историки. Историографический ежегодник. 1978. М., 1981. С. 293–294.
- ³⁶ *Бонч-Бруевич М.Д.* Указ. соч. С. 225.
- ³⁷ *Кораблев Ю.И.* В.И. Ленин и защита завоеваний Великого Октября. М., 1979. С. 177. Ф. Энгельс, основательно занимавшийся военным делом, писал К. Марксу, что к милиционной системе может подойти «только коммунистически устроенное и воспитанное общество, но и оно полностью не достигнет ее» (*Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2. Т. 32. С. 18).
- ³⁸ Генерал В.С. Михайлов 1875–1929. Документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности. М., 2007. С. 243–248, 273–276.
- ³⁹ *Кляцкин С.М.* На защите Октября. Организация регулярной армии и милиционное строительство в Советской республике. 1917–1920. М., 1965. С. 64.
- ⁴⁰ *Кавтарадзе А.Г.* Указ. соч. С. 61.
- ⁴¹ Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы. Т. 1. Так началось изгнание 1920–1922 гг. Кн. 2. На чужбине. М., 1998. С. 543; Т. 4. У истоков «Русского общевоинского союза». 1924 г. М., 2007. С. 112.
- ⁴² *Гимпельсон Е.Г.* Советские управленцы 1917–1920 гг. М., 1998. С. 111.
- ⁴³ *Городецкий Е.Н., Кляцкин С.М.* Из истории военного строительства Советской республики в первые месяцы после Октября // Исторический архив. 1962. № 1. С. 83.
- ⁴⁴ *Кораблев Ю.И.* Указ. соч. С. 189–190.
- ⁴⁵ *Бонч-Бруевич М.Д.* Указ. соч. С. 237.
- ⁴⁶ Там же. С. 248–249.

- ⁴⁷ *Городецкий Е.Н.* Страницы истории обороны Петрограда в феврале 1918 года // Исторический опыт Великого Октября. М., 1975. С. 367.
- ⁴⁸ *Кавтарадзе А.Г.* Указ. соч. С. 59.
- ⁴⁹ *Бонч-Бруевич М.Д.* Указ. соч. С. 258.
- ⁵⁰ См.: *Стебакова Л.Д.* Д.П. Парский // Военно-исторический журнал. 1966. № 10.
- ⁵¹ *Бонч-Бруевич М.Д.* Указ. соч. С. 6.
- ⁵² *Кляцкин С.М.* Указ. соч. С. 151.
- ⁵³ *Петров В.И.* Отражение Страной Советов нашествия германских империалистов в 1918 году. М., 1980. С. 82.
- ⁵⁴ *Кавтарадзе А.Г.* Указ. соч. С. 66.
- ⁵⁵ Там же. С. 67.
- ⁵⁶ Интересно, что вскоре после Октябрьской революции на сторону Советов перешли 3 бывших командующих Северным фронтом – Бонч-Бруевич, Клембовский и Новицкий.
- ⁵⁷ Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. Сборник документов. М., 1973. С. 399–403.
- ⁵⁸ *Кавтарадзе А.Г.* Указ. соч. С. 62–64.
- ⁵⁹ Цит. по: *Кавтарадзе А.Г.* Указ. соч. С. 72–73.
- ⁶⁰ *Молодцыгин М.А.* Красная армия. Рождение и становление 1917–1920 гг. М., 1997. С. 87.
- ⁶¹ *Войтиков С.С.* Указ. соч. С. 130.
- ⁶² *Троцкий Л.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. М., 1991. С. 337.
- ⁶³ Гражданская война... С. 137–138.
- ⁶⁴ *Стрекалов И.И.* Строительство Красной армии в войсках завесы (весна–лето 1918 года). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. С. 3.
- ⁶⁵ *Егорьев В.Н.* Из жизни западной завесы // Этапы большого пути. Воспоминания о Гражданской войне. М., 1962. С. 138; *Кавтарадзе А.Г.* Указ. соч. С. 201.
- ⁶⁶ *Минаков С.Т.* Советская военная элита 20-х годов (состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль). Орел, 2000. С. 28.
- ⁶⁷ *Кавтарадзе А.Г.* Указ. соч. С. 199.
- ⁶⁸ См.: *Дудник В., Смирнов Д.* Вся жизнь – науке // Военно-исторический журнал. 1955. № 2.
- ⁶⁹ См.: *Леонидов В.Ф.* Василий Федорович Новицкий (к столетию со дня рождения) // Военно-исторический журнал. 1960. № 3.
- ⁷⁰ *Самойло А.* Две жизни. М., 1958. С. 182.
- ⁷¹ Генерал А.А. Брусилов (очерки о выдающемся русском полководце). М., 2010. С. 362, 365, 367, 368, 371,
- ⁷² *Федюкин С.А.* Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965. С. 68.
- ⁷³ См.: *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М., 1943.
- ⁷⁴ *Федюкин С.А.* Указ. соч. С. 70.
- ⁷⁵ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 41. С. 121.
- ⁷⁶ *Офицерский корпус в политической истории России. Документы и материалы. 1917–1919 гг.* Т. 2. М., 2002. С. 705.
- ⁷⁷ *Кавтарадзе А.Г.* Указ. соч. С. 236–258.
- ⁷⁸ *Савченко О.И.* Указ. соч. С. 11, 13.
- ⁷⁹ Генерал В.С. Михайлов... С. 4–5, 25.
- ⁸⁰ *Савченко О.И.* Указ. соч. С. 14–15.
- ⁸¹ Генерал В.С. Михайлов... С. 81–82.
- ⁸² *Кавтарадзе А.Г.* Указ. соч. С. 179.
- ⁸³ *Савченко О.И.* Указ. соч. С. 15.
- ⁸⁴ См.: Командующий морскими силами республики // Морской сборник. 1969. № 5.
- ⁸⁵ *Гимпельсон Е.Г.* Указ. соч. С. 112.
- ⁸⁶ *Молодцыгин М.А.* Указ. соч. С. 97; Русская военная эмиграция... Т. 4. С. 277, 297, 329.
- ⁸⁷ *Колпакиди А., Прохоров Д.* Указ. соч. С. 58.
- ⁸⁸ *Савченко О.И.* Указ. соч. С. 21.
- ⁸⁹ *Кавтарадзе А.Г.* Указ. соч. С. 176–178; *Гимпельсон Е.Г.* Указ. соч. С. 112.
- ⁹⁰ *Кавтарадзе А.Г.* Указ. соч. С. 21, 178.
- ⁹¹ *Волков С.* Трагедия русского офицерства. Офицерский корпус России в революции, Гражданской войне и на чужбине. М., 2002. С. 398.
- ⁹² *Гимпельсон Е.Г.* Указ. соч. С. 113.
- ⁹³ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 40. С. 199, 218.